

ВЛАСТЬ И РЕАЛЬНОСТЬ

*В обсуждении приняли участие доктор философских наук, профессор, проректор по научной и издательской работе, директор Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета **В.А.Луков**, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН **С.А.Королев**.*

*Ведёт «круглый стол» доктор философских наук, профессор **П.С.Гуревич**.*

Гуревич П. 20 июня 1791 года Людовик XVI и Мария - Антуанетта сбежали из дворца Тюильри в центре Парижа. Учредительное собрание считало необходимым для их собственной безопасности и в интересах нации держать их в золоченой клетке. Королева руководила всем действием и, разумеется, играла в нем роль звезды. Шведский граф Аксель де Ферзен, страстный поклонник Марии-Антуанетты и, возможно, ее любовник, предложил, чтобы бежал только король, переодетый в женское одеяние. В подобном маскараде Людовик усмотрел неуважение к собственной персоне. Согласно второму плану, королю предстояло бежать одному в экипаже, а затем из эмиграции возглавить восстание знати. Королева отвергла и этот план. Ее сценарий подразумевал нечто гораздо более грандиозное: спасение всей семьи одновременно. Королевское семейство вместе с гувернанткой могло уместиться только в большой экипаж, который королева до отказа набила багажом, поэтому он мог двигаться со скоростью менее десяти километров в час. Были расписаны все роли: роль российской баронессы Корф должна была играть гувернантка, королевских детей — ее сын и дочь; роль их гувернантки — королева, а королю досталась роль камердинера баронессы. Мария-Антуанетта перерыла весь дворцовый гардероб, чтобы нарядиться горничной. Она не особенно маскировалась. Изображала горничную так же, как изображала дюрку в «деревне» или как Гарбо позднее играла королеву, а Дитрих — шлюху. Никто не должен по ошибке принять их за тех, кого они изображали. Все они были звездами. Людовик даже не пытался играть роль камердинера. Он нацепил розовый парик и рассматривал все это как фарс. Его властная супруга с ним соглашалась.

Экипаж полз с черепашьей скоростью. Королева и король любовались пейзажем, выглядывая из окон. Вскоре их узнали. В ближайшем городе их окружили толпы возбужденных зевак. Мэр был страшно взволнован присутствием всего королевского семейства. Он не знал, что делать: то ли пасть ниц, то ли арестовать их. И поэтому не делал ничего. Командир отряда сообщил королевской семье, что если они выедут немедленно, то есть надежда успеть проскочить за границу. Было ясно, что если они останутся, то могут лишиться жизни. В этот совершенно очевидный, судьбоносный момент Мария-Антуанетта не сумела различить реальность и фантазию. Вместо того, чтобы отважиться на реальное действие, которое могло спасти жизнь ее семьи, она предпочла положиться на придуманный образ монарха, против которого никто

не посмеет выступить. Она проигнорировала действительность и продолжала играть выбранную роль. А снаружи радикалы братались с кавалерией короля. Через час солдаты перешли на сторону ее врагов. Все было потеряно. Фарс королевы окончен.

Для нашего обсуждения, само собой понятно, можно было взять и другой пример из истории. Редкому властителю удавалось соотнести свою деятельность с реальностью. Жизнь гораздо хитрее и многообразнее, чем ее образ в сознании правителя. Мы знаем, что революционеры нередко бывают страшно далеки от народа. Но не столь часто обсуждаем проблему, которая взята для нашей дискуссии. Важнейшая тема современной политической психологии — отрыв власти от реальности. Властолюбцы нередко живут в мире, который вообще утрачивает какие-либо черты правдоподобия. История, как известно, великая мстительница. Она несет воздаяние, но, согласно известному афоризму, никого не научает.

В связи с этим хотелось бы обсудить следующие вопросы:

1. Что такое «власть и реальность» как философская проблема?
2. Почему властители нередко оказываются в иллюзорной реальности?
3. Как можно устранить дистанцию между властью и реальностью?

Что такое «власть и реальность» как философская проблема?

Луков В. Вероятно, для политической философии эта проблема не нова. Напомним хотя бы известную фразу о роялистах, которые проживали в Лондоне: «Бурбоны ничему не научились и ничего не забыли». По сути дела, это характеристика королевской династии, которая была дана ей в XIX веке. Это, мы помним, было сказано про правителей, которые овладели французским престолом с помощью иностранных штыков после страшных потрясений, революции, казни королевской семьи, террора, бонапартизма и больших войн, вообще страшного поражения. Людовик XVI, с которого началась наша беседа, был узнан по профилю, поскольку его портреты висели повсюду: на то и власть. Он, можно сказать на современном языке, стал жертвой собственного пиара.

Гуревич П. Если бы политики не впадали в иллюзии, история, вероятно, обошлась бы без многих потрясений и революций. В том-то и дело, что власть, даже если она дана человеку необычайной трезвости, все равно деформирует сознание человека, смещает ценности и приоритеты. Путин несколько лет назад сказал: получив власть, ни в коей мере нельзя ею поступаться.

Королев С. Нужно, наверное, учитывать, что взаимодействие власти и реальности опосредуется опытом. В частности, опытом власть предержащих. Например, высказывалось вполне резонное мнение, что нынешнее отношение Путина к выборам стало складываться после того, как он в качестве руководителя предвыборного штаба Анатолия Собчака проиграл губернаторские выборы 1996 года весьма заурядному заму своего шефа Владимиру Яковлеву. Возможно, именно отсюда было вынесено убеждение,

что судьбу власти нельзя отдавать на волю случайностей, к каковым, в представлении многих фигур власти, относится и непостоянное, и изменчивое мнение народа.

Луков В. Путин, вообще говоря, воспроизвел мысль Ницше, который утверждал: власть должна постоянно наращивать свою мощь. Иначе она перестает быть властью. Тайна политической воли и власти, как господства, заключена во власти, как самовластвования. Отсюда уже один шаг до понятия «центров власти», а также процессов рассеивания и концентрации власти, как это представлено в метафизике власти Мишеля Фуко, и еще один шаг до «машин желания» Жюль Делёза и Феликса Гваттари.

Королев С. Любая власть стремится отождествить свои интересы с интересами государства. Это вполне понятно, поскольку легитимирует власть и позволяет ей преподносить отстаивание собственных амбиций как реализацию и защиту интересов общественных и государственных. Между тем, эти интересы весьма различны, часто разнонаправлены, а порой и диаметрально противоположны. Примеров, когда власть в пароксизме борьбы за выживание действовала разрушительным для государства образом, в истории России множество.

Луков В. Можно согласиться с тем, что сам мотив власти способен деформировать взгляд на реальность. Тот, кто живет в обстановке всеобщей лести и обожания, постоянно ощущает, что без его подписи невозможно действовать, поневоле способен потерять здравомыслие, трезвость в оценке социальных процессов.

Королев С. Как говорит наш президент, «все, что я говорю, в граните отливается...». Ирония, конечно, но легко понять, почему у них именно такая ирония...

Гуревич П. Если попытаться реконструировать внутренний голос современного политика, то он искренне не понимает, почему не всегда выполняются его распоряжения. Разве он не приказал замочить бандитов в сортире? Он что, не объявил войну коррупции? Может быть, он не призвал бизнес сотрудничать с государством? А сколько раз было сказано о том, что модернизация нам нужна как воздух! Странные, вообще говоря, эти люди, которые не выполняют данные им поручения.

Королев С. Вообще, мне хотелось бы заметить, что весь этот стилистический ряд «мочить в сортире», «жевать сопли», «сделать обрезание», «найти на дне канализации» отнюдь не свидетельствует об отрыве власти от реальности. Более того, он порожден определенным ощущением реальности. Ощущением того, что есть миллионы людей, которые подобную лексику и подобную политическую тональность воспримут с энтузиазмом. И они воспринимают...

Луков В. Может быть, тут и есть некоторый расчет, политическая предумышленность. Но есть и искреннее недоумение власти, которая убеждена в том, что стоит ей указать, как политики и чиновники бросятся выполнять эти здравые распоряжения. Разве мы не слышим в их речах известной озадаченности? Неужели, мол, никто не понял, что он хочет модернизировать

Россию? Но тогда почему не выполняются поставленные им задачи? Отчего реализация названных целей похожа на плохо срепетированную инсценировку? Ясное дело, есть враги — олигархи и чиновники, которых устраивает сложившаяся ситуация. Что же делать? Нужен призыв, пламенный, честный, открытый... «Вперед, Россия!» Однако волна энтузиазма так и не обозначилась на горизонте. Откликнулось только эхо — «вперед, вперед...».

Гуревич П. Быть властителем — тяжелый жребий. После Пушкина можно стократно повторять: «Да, тяжела ты, шапка Мономаха!». Судьба постоянно вмешивается в твои планы. Стан врагов постоянно пополняется. Рушатся планы, проступает возмездие. Утрачивается вера в собственное предназначение. Но это только в том случае, когда политик действительно пытается одолеть реальность. Хуже, если политик впадает в иллюзию, будто от его слов дрожит земля, чиновники разбегаются по своим кабинетам, чтобы выполнять указания, олигархи с просветленными лицами вкладывают деньги в могущество страны. Олег Попцов в «Литературной газете» уже иронизировал над словами нынешнего президента страны, который сказал, что ему нравится его работа. А что нравится? — интересуется публицист. Вспышки телекамер, постоянные встречи и показная преданность исполнителей? Играть роль на сценической площадке истории или реально противостоять косности и инертности общественной жизни — это не одно и то же.

Луков В. Современное общество вообще, как свидетельствует постмодернизм, провалилось в иллюзорную реальность.

Королев С. Я не думаю, что современное общество, во всяком случае российское, о котором я знаю больше, чем о любом другом, провалилось в мир иллюзий и симулякров. Посмотрите основные пункты социально-политической повестки дня: тарифы ЖКХ, коррупция чиновников, милицейский произвол, использование административного ресурса на выборах... Зайдите в Интернет, почитайте записи блоггеров (которых в рейтинге Яндекса порядка 18 миллионов, из них, думаю, не менее половины — действующие). Люди пишут о том, что случилось с ними вчера и сегодня. Это абсолютная реальность, хотя, возможно, не всегда воспринимаемая, понимаемая и интерпретируемая. Понимаете, счет из ДЭЗа не может быть симулякром, как и увольнение с работы по сокращению штатов.

Гуревич П. Извините, Сергей Алексеевич, такие слова мог бы произнести любой демагог из современных политиканов. К вам это, разумеется, никак не относится. Увольнение с работы — это реальный факт. А информационный шум о снижении безработицы — это симулякр. Президент грозно спрашивает с подчиненных: почему, несмотря на его распоряжения, коррупция не снижается, а, наоборот, возрастает? То, что эти слова прозвучали — это неоспоримо. Но кто в нашей стране не понимает, что борьба с коррупцией носит декоративный характер? Если бы Бодрийяру понадобилась впечатляющая иллюстрация симулякра, умри, лучше не придумайшь. Тема коррупции — неистребимый сюжет. Президент сообщил, что коррупция не только не снизилась, а возросла в разы. Тот, кто после такого известия говорит о новом этапе борьбы с коррупцией, носит в душе нереализованного

Салтыкова-Щедрина, либо не замечает комичности самой ситуации. Разворачивается борьба за власть. Рождаются разного рода «новации» и «проекты», цель которых оседлать бюджетные потоки. Президент наносит удар по коррупции. И тут же Минфин старается протащить программу повышения эффективности бюджетных расходов. Эксперты сразу в один голос заявляют — эта программа чревата мощными коррупционными рисками. Реальны и слова президента о необходимости обуздать коррупцию. Подлинна и программа Минфина. А вот «борьба с коррупцией» — симулякр. Появление президента Чувашии Н.Федорова в бейсболке, в темных очках и парике в стиле «хиппи» среди народа на рынке — это факт политической биографии. Массовое и праздничное опознание в толпе загримированного президента, который хочет услышать из первых уст о волнующих людей проблемах, — «обманка», симулякр. Появление на сайтах сведений о доходах государственных чиновников — социальная хроника. То же самое без обозначения, откуда деньги, не что иное, как глюк.

Королев С. Со всем, что вы, Павел Семенович, сказали о борьбе с коррупцией, согласен целиком и полностью. Симулякр Симулякрович. Как там у Жванецкого? «Очень трудно менять, ничего не меняя. Но мы будем!»

Луков В. Может быть, раньше всех нас оповестил американский писатель Роберт Шекли. «Планета Транай», его повесть, блестящая пародия на нынешнюю демократию, образ жизни, нравы наших дней. Главный герой этой повести Марвин Гудмэн преисполнен гражданскими чувствами. Прирожденный борец за справедливость, он писал разоблачительные статьи, которые нигде не печатались, посылал в Конгресс письма, которые никем не читались, поддерживал честных кандидатов, которые никогда не избирались. Его усилия были безрезультатны. Апатичные граждане не интересовались этими вопросами. Политиканы открыто над ним смеялись. В дополнение ко всем бедам от него ушла невеста. По-видимому, девушку Марвина не беспокоил тот факт, что Сикирская строительная корпорация подмешивала непомерное количество песка в бетон и выпускала стальные балки на несколько дюймов уже стандарта. Невеста сказала как-то Гудмэну: «Боже мой, Марвин, ну и что такого. Все так делают. Нужно быть реалистом...»

Гуревич П. Да, мы стали реалистами. Нас уже не поражает, что органы, созданные для борьбы с коррупцией, немедленно вырастили небольшое воинство взяточников. Милиционеры научились прицельно стрелять в мирных граждан. Деньги, выделенные на строительство объектов в Сочи, начали разворовывать вместо того, чтобы как можно быстрее реализовать эту национальную идею. Лидер «Справедливой России», позволивший себе покритиковать единокороссов, чуть не лишился собственного политического статуса. Пенсии, щедро выданные бедствующим гражданам, растворились в росте тарифов.

Луков В. Но суть проблемы, видимо, не только в том, что современное общество постоянно поражает вереницей абсурда.

Королев С. Конечно, существует определенный соблазн квалифицировать некие действия, акции и технологические процедуры власти как «абсурд».

Луков В. Нельзя не признать, что мы погружаемся в некое фантомное пространство, в котором иллюзия заслоняет реальность. Мы произносим правильные слова, выдвигаем насущные лозунги, рисуем грандиозные цели. Но в реальной жизни все это блистательно отсутствует. Нас буквально раздавило множество мнимостей, которые как будто существуют, но в действительности их нет. Эта тема, как известно, — расхожий сюжет постмодернизма. Недаром Ж.Делез и Ф.Гваттари заявили, что реальность уже не является сегодня принципом. Мы перестали, по их словам, схватывать интенсивное реальное в том виде, в каком оно воспроизводится в равнообъемности природы и истории. Нам уже незачем обшаривать римскую империю, мексиканские города, греческих богов и открытые континенты, чтобы извлекать из них постоянный прирост реального. Любой бред обладает историко-мировым, политическим, расовым содержанием. Войну 1991 года в Персидском заливе Жан Бодрийяр назвал обманкой. У наблюдателей за этим событием по CNN не было никакой возможности знать, было ли там что-то на самом деле или это просто пляска картинок и взволнованных пропагандистских репортажей на экранах их телевизоров.

Гуревич П. Можно обойтись и без Бодрийяра. Сравнительно недавно мир стал свидетелем грандиозной политической фальсификации. Грузинский канал показал фильм, который был стилизован под реальное нападение России на Грузию. Жертвами этой мистификации стали граждане этой страны. Еще одна деталь, которая сближает реальность и манипулятивный прием. В фильме польский президент в результате военных действий гибнет в самолете. Можно задаться вопросом: неужели люди во всеоружии трезвости и здравого смысла не могут отделить реальность от фикции? В современном мире это не так просто. Люди и исторические события подвергаются такой процедуре, что от них остаются одни знаки. Упаковка товара оказывается более значимой, чем сам товар. Трансляция становится более ценной, чем само событие. Политическое распоряжение выглядит более весомым, чем его реализация.

Луков В. Повальное внедрение в нашу речь выражение «как бы» не следует рассматривать как диверсию лингвистов.

Королев С. Действительно, это «как бы» — некий знак эпохи. Но что за ним реально стоит? Мне кажется, за ним скрывается стремление избежать упрощений, дистанцироваться от чего-то навязываемого, от чего-то, казалось бы, самоочевидного. Не случайно выражение начало свое бытование в языке с «образованных классов». Это, скорее, такой лингвистический инструмент, который профилактирует принятие симулякров за реальность, чем наоборот.

Гуревич П. Он, надо полагать, предохраняет от погружения в грезу, но не парашютирует нас в реальность. Можно с помощью «как бы» выразить свою трезвость, но нельзя прорваться к подлинности. Когда человек говорит: «я как бы работаю в фирме», он бессознательно сопротивляется фикции. Но вряд ли попадает в страну подлинности и факта.

Луков В. Мы действительно не живем, а как бы выживаем. На самом деле испытываем неуверенность в своем статусе, своей профессии, своем фактическом существовании. Все — «как бы». Как бы модернизируем Россию. Как бы реализуем демократические принципы. Как бы выходим из кризиса. Как бы побеждаем террористов. Это относится и к повседневной жизни. Мы потребляем вино без алкоголя. Как бы вино. Кофе без кофеина. Как бы кофе. Для многих секс без партнера — как бы любовь. Симуляция выглядит более достоверной, чем сам предмет или процесс. Благодаря ароматизаторам роза лучше самой розы.

Гуревич П. Поэтому нет ничего удивительного в том, что эти новые реалии захватили и политику. Справедливость, начертанная на знамени партии, выглядит весомее, чем житейская правда. Имидж политика важнее, чем сам прототип. Желваки, которые гуляют на лице правителя, как бы свидетельствуют о политической воле. Депутатский запрос чаще всего обозначает формальную активность государственного деятеля, нежели его законное желание добиться реальных перемен в жизни. Уже не кажется ироничной известная фраза: «Да здравствует наш законный царь Лжедмитрий III». Нас окружают фантомы.

Луков В. Кант подчеркивал, что «радикальное зло» в политике — это не жестокосердие властителя, а сама его неограниченная авторитарность. Разного рода призывы к человеку власти быть мудрым, осмотрительным, ответственным разбиваются из-за простой аксиомы — короли, вожди, харизматические лидеры, президенты оказываются в ловушке иллюзорной реальности. Они живут в мире, который отдален от житейской повседневности. Знаменитая фраза о том, что если нет хлеба, так пусть едят бриоши, не исторический анекдот. Монетизация, к примеру, была представлена народу как забота о благе населения, которое в силу своей непонятливости не осознает собственной выгоды. Разве реальные купюры на руках хуже всяких там льгот? Раз трудно свести концы с концами, так берите деньги. И люди радовались и благодарили власть, пока не поняли, что их просто обобрали. Пафосные разговоры о повышении качества образования не имеют никакого отношения к современной школе или современному вузу. Чиновники давно забыли, как выглядит живой студент наших дней. Сама тема оказывается обыкновенным симулякром. Слова, слова... Иллюзия каких-то невероятных усилий, какого-то продвижения в страну невероятно образованных людей. Даже появился термин «интеллектуализация нации». И все это на фоне невероятной деградации самого образования, скандального провала усилий чиновника, немислимых растрат бюджетных денег.

Гуревич П. Согласен. Возьмем, для примера, тему поддержки молодых ученых. По всей стране собирают миллионные заявки на получение гранта. Для того чтобы стать его обладателем, нужно заполнить гигантское количество бумажек. А ведь самих грантов кот наплакал. Крутится чиновничья карусель, которая уже не имеет никакого отношения к самой науке, к фактическим достижениям молодых дарований. Вознаграждены будут те, кто принесет наибольшее количество бумажек. И все отчитаются, и кое-кто удостоится чести

стоять рядом с президентом. Но все вместе это обыкновенная пустышка, симулякр, имитирующий реальные процессы «интеллектуализации» нации.

Королев С. Кстати, о бумажках. Бумажка бумажке рознь. Есть бумажки, манипулирование которыми может сыграть очень значительную, причем, негативную роль в жизни людей. Не так давно мне, пользователю интернетовского сервиса, именуемого «Живым журналом», довелось встретить в моей френд-ленте весьма шокирующее сообщение, написанное мамой школьника подростка. Суть его в том, что в детской районной поликлинике в связи с 15-летием ее сына и переходом во взрослую поликлинику от нее потребовали срочного снятия всех имеющихся у ребенка диагнозов (вроде миопии или гастрита). При этом близорукость «минус три» предполагалось снимать посредством экстренной (в течение ближайших трех недель ребенку обещали дать направление в районную больницу) хирургической операции по коррекции зрения. Достаточно очевидно, что эти манипуляции и приведение «реальной реальности» к некоему общему знаменателю, преобразование ее в псевдореальность, удобную власти, связаны с грядущим призывом на военную службу. С девочками, как оказалось, все проще — им в армию не идти, поэтому им, как свидетельствуют мои корреспонденты, прибавляют сколько-то сантиметров в росте, отнимают сколько-то килограммов в весе, пишут, что ребенок полностью здоров, что аллергии никакой нет, — и во взрослую поликлинику... Правомерно ли в этом случае говорить о том, что власть предержавшие оказываются здесь в тенетах иллюзорной реальности? Учитывая то, что они сами эту реальность сознательно «редактируют»? Думаю, что да, правомерно. Ибо, сконструировав однажды ложную реальность и продолжая конструировать множество других ложных реальностей, власть утрачивает способность определять границу между реальностью иллюзорной и подлинной — и зачастую начинает действовать так, как будто ложная, придуманная ею же картина мира и является настоящей.

Луков В. Выходит, тема «власть и реальность» обрела такие оттенки, которых не знала классическая политическая философия. Рассуждения Николо Макиавелли о правах государя на опеку над темными вождями народа или призывы Канта к правителям осознать меру своего мессианского призвания кажутся анахронизмами. И эта новая ситуация нуждается в анализе и разносторонней экспертизе.

Почему властители нередко оказываются в иллюзорной реальности?

Гуревич П. Вот и хотелось бы обсудить и конкретные практические вопросы. Имеет ли власть подлинное представление о том, что происходит в стране? Нет ли оснований говорить о сбывшем пророчестве «И будете вы как во сне?». Здесь, мне кажется, возможны три варианта ответов. Власть хорошо ориентируется в тех процессах, которые развертывает действительность. Она сумела в основном вывести страну из кризиса и сейчас обсуждает вместе с обществом проблемы дальнейшего развития нашего общества. Вариантный

ответ: власть живет в иллюзорной реальности. Она не совсем четко понимает, что, вообще говоря, творится в обществе. Сложился некий идеальный образ политики, народа, экономики, образа жизни. Власть полагает, что она целиком контролирует реальность, видит движущие механизмы социального прогресса и ведет страну к процветанию. Но действительные события выходят из-под контроля власти.

Возможен и третий ответ: власть неплохо знает собственные интересы, догадывается о том, что народу живется несладко, но ее занимают только личные проблемы (как удержать кормило правления и не лишиться выгоды для себя и для близких). В этом случае власть не живет в иллюзорной реальности, но обществу от этого нелегче. Итак, о нехватке реальности, о потере реальности, о недостаточном контакте с жизнью.

Луков В. Какие основания считать, что власть оторвалась от реальности? Руководители государства постоянно находятся в разных точках страны, общаются с множеством людей, решают важные государственные задачи. Может быть, это у нас, простых людей, наблюдается известная неадекватность в силу ограниченности наших жизненных впечатлений? Для такого вывода оснований мало. Высшее руководство действительно вступает в контакт с членами правительства, думами, министрами, руководителями регионов и даже с отдельными представителями народа.

Королев С. Нынешняя власть должна быть определена как реактивная. Такого рода властные системы реагируют на возникающие вызовы и решают сиюминутные, выплывающие на поверхность срочные проблемы. При этом они не в состоянии выработать какую-либо внятную стратегию развития общества. И не только потому, что им не хватает интеллектуального ресурса (а его не хватает). Дело в том, что определенность и ответственность перед обществом, связанные с постулированием четкого стратегического курса, противоречат природе реактивной власти и представляются ей, этой власти, очевидной угрозой самим основам ее существования.

Луков В. Но ведь власть на то и власть, чтобы оперативно реагировать на текущие проблемы. Каждый день подбрасывает нам некий эксклюзив.

Королев С. Когда террористы взрывают дома, нынешняя власть начинает опечатывать подвалы и разрабатывать планы усиления работы участковых милиционеров. Когда совершается террористический акт в метро, власть забывает о подвалах и начинает усиленно охранять метро, «принимать меры». Когда совершаются теракты в самолете, власть начинает охранять аэропорты и раздевать людей до нижнего белья, а когда террористы захватывают школы, власть начинает разрабатывать системы охраны школ, забывая о существовании больниц. Наконец, когда доведенные до отчаяния рабочие завода в Пикалеве перекрывают федеральную трассу, к ним приезжает премьер, и на городок обрушивается золотой если не дождь, то ручеек.

Луков В. Но это и называется собственно «ручным управлением».

Гуревич П. Но можно взглянуть на ситуацию и с другой стороны. Осознают ли люди власти долгодействие собственных поступков и слов? Скажем, заявление Грызлова о том, что парламент не место для дискуссий, это,

конечно, оперативная реакция на события. Но чреватая многими последствиями. Руководители «Единой России» говорят о том, что именно эта партия сегодня стала ведущей силой страны, а те, кто выступает с иных позиций, выражают аморальные установки. Можно задаться вопросом: осознают ли идеологи единороссов, насколько опасна эта попытка приватизировать нравственность. Когда тот же руководитель «Единой России» публично рассуждает о том, что тот, кто не пьет чистую воду из его крана, не пользуется его фильтром, не хочет видеть население страны здоровым. И более того, такой человек выступает против процветания страны. Хорошая логика, прикрывающая собственные интересы бизнесмена идеологическим блефом. Не погрузилась ли власть в сладкий сон, который, как известно, рождает фантомы?

Королев С. Политик-бизнесмен — фигура классическая для переживаемой нами эпохи, даже знаковая. И стремление направить свой политический и административный ресурс на поддержку своих бизнес-интересов — дело для нас почти обычное. Хотя, конечно, грызловско-петриковские фильтры — это история фантазмагорическая, есть в ней, знаете ли, что-то от одиссеи Григория Грабового. Но есть такие проявления власти, которые не получили пока жесткой и определенной оценки общества и экспертного сообщества. Это, например, попытки воссоздать лечебно-трудовые профилактории, ЛТП. В пользу восстановления этих институтов кампания велась с начала 20007х, то есть с пришествия нынешнего политического режима. Существенно, что в первых рядах борцов за реанимацию системы ЛТП замечены такие знаковые для нашей политики фигуры, как министр внутренних дел Рашид Нургалиев и главный государственный санитарный врач России Геннадий Онищенко. Это, далее, введение обязательного наркотестирования для абитуриентов и студентов вузов. То, что уже широко практикуется в Татарстане. Это периодически возникающие всплески ненависти к Интернету и призывы накинуть на него узду.

Луков В. Вы как раз что-то говорили о массовых пользователях, реально участвующих в политических процессах.

Королев С. С появлением в Кремле президента, который является квалифицированным пользователем Интернета, эти всплески поутихли. Пока. Зато появились какие-то полубезумные проекты вроде запрещения — цитирую — «содержания домашних животных в квартирах социального найма Москвы в количестве, превышающем две особи собак или кошек с их пометом до трех месяцев». Идея была обнародована представителями московских властей, которые объявили, что собираются внести ее на рассмотрение Мосгордумы. Кстати, неугомный мэр Москвы не так давно предложил федеральным властям запретить выезд за рубеж частным предпринимателям, которые не платят своим сотрудникам заработную плату. «Я считаю так: если не выплачиваешь заработную плату своевременно, то и нет необходимости ехать за границу. К таким предпринимателям надо относиться как к злым неплательщикам алиментов».

Гуревич П. Это вы цитируете?

Королев С. Да. Наконец, глава Следственного комитета при прокуратуре РФ Александр Бастрыкин предложил ввести обязательную дактилоскопию и сдачу образцов ДНК — по версии одних СМИ, для всех жителей Северо - Кавказского округа и кавказцев, переехавших в другие регионы, по версии других — для всего населения России.

Луков В. Бастрыкин еще только собирается, а вход в некоторые школы уже осуществляется по отпечаткам пальцев — процесс контролируют специальные сканеры. Это так?

Королев С. Да, помнится, про это даже был сюжет на одном из телеканалов... Все это в совокупности я определяю, как попытки реанимации дисциплинарных технологий, которые столь блистательно описал Мишель Фуко в книге «Надзирать и наказывать». Дисциплинарных технологий, расцвет которых пришелся на XVIII век. Об этом надо говорить или очень подробно, или не говорить вообще. Об этом я много писал, анализируя проявления этой новой дисциплинарности. Она обнаруживается в самых очевидных, лежащих у всех на виду процедурах. Если власть борется с «Маршами несогласных» по той модели, с какой власти города Венсенна боролись с эпидемией чумы в

XVIII веке, вводя совершенно аналогичные схемы контроля городского пространства, то это диагноз. И прогноз при таком диагнозе — весьма пессимистический.

Луков В. Мне кажется, власть совершенно не учитывает сложные многомерные связи, которые складываются между общественным сознанием и реальностью. Она убеждена в том, что, скажем, результаты голосования самым прямолинейным способом свидетельствуют об отношении к правителям. Вот, предположим, мартовские региональные выборы оказались устойчивыми. Политические предпочтения примерно двух третей избирателей не меняются. Но еще треть либо симпатий не имеет, либо готова их гибко тасовать. Что удивило политологов на этот раз? Высокая явка. Она повысилась практически везде, где люди голосовали. А в Иркутске, где выборы мэра города, вообще выросла чуть ли не два раза по сравнению с предыдущими выборами. Эксперты оценивали прежние выборы как скандальные, писали о том, что они нанесли ущерб престижу страны. Казалось бы, политическая активность должна снизиться. Политологи предостерегали: в следующий раз никто не пойдет на выборы. И что же? По мнению политологов, на явке сказалось расширение полномочий законодательных собраний регионов (теперь они представляют президенту кандидатов в губернаторы, а те отчитываются перед депутатами минимум раз в год). Но большинство людей об этом ничего не знают — роль и соотношение властных полномочий в их головах пока не изменилась.

Гуревич П. Социолог Валерий Федоров считает, что здесь обнаружил себя «закон Токвиля». Французский социолог А. де Токвиль писал о том, что люди становятся более требовательны к власти не когда им хуже всего, а когда их ситуация начинает улучшаться. В том случае, если реальная опасность уже позади, а быстрых перемен к лучшему не происходит, избиратели начинают строже спрашивать с власти и активнее прислушиваться к обещаниям оппозиции. Но причем тут закон Токвиля? Статистики фиксируют «оживление»

экономики. Но где же реальный подъем? Ситуация с занятостью становится все хуже и хуже. Не повышаются и заработки.

Королев С. То, о чем писал Токвиль, — вполне реальный тренд, многократно проявлявшийся в истории. Но я все же думаю, что нам не удастся вывести какую-то закономерность взаимоотношений между экономической ситуацией и всплесками массовой активности, ведущими порой к революциям, а порой не ведущими к революциям. Первая русская революция началась после экономического подъема, когда уровень жизни российского пролетариата, да и всего работающего населения, существенно вырос. А Февральская революция началась, как известно, в хлебных очередях, с голодухи. На массовую активность, на желание и способность сопротивляться власти влияют оба этих разнонаправленных фактора — и определенное благополучие, и резкое ухудшение жизни.

Гуревич П. Выходит, власти нечего бояться. Хоть и кризис, и ухудшение жизни народа, но «в Багдаде все спокойно». Где опасность?

Королев С. Наверное, истина не посередине, как это часто говорится.

Луков В. Что-то вроде марксистской диалектики — «нельзя соединять, но и нельзя разъединять»...

Королев С. Истина, скорее, в том, что экономические обстоятельства опосредуются многими другими факторами, в частности, социокультурными и политическими. Вполне возможно. Что если бы не имело места то, что в советской литературе называли «кризисом самодержавия», то перебои с хлебом в Петрограде не оказали бы столь фатального воздействия на систему российской власти.

Гуревич П. Нас сейчас интересует — почему властители часто оказываются в иллюзорной реальности?

Королев С. Думаю, что у власти слишком примитивная картина мира. И она стремится понять вверенный ей народ, прежде всего, через желудок. В крайнем случае, она принимает во внимание присущую населению инерцию, живучесть каких-то рудиментарных предрассудков. Но в истории России есть масса примеров того, что существенными, а порой и определяющими, становились и факторы психологические. Не думаю, что российскому крестьянину в конце XIX — начале XX века год от года становилось жить все хуже и тяжелее. Но ментально, психологически обделенность в ходе крестьянской реформы 1861 года осознавалась все острее. И именно это обусловило размах крестьянского движения во время первой русской революции. Иными словами, здесь сыграло роль сознание социальной несправедливости, а не пустой желудок.

Луков В. Но современная власть как будто не замечает этой проблемы. Между тем, осознание социальной несправедливости сегодня становится все более значительным.

Королев С. Нынешний кризис пока не поставил перед властью, перед режимом проблемы выживания во всем ее масштабе. Хотя я сознаю, что некоторые считают иначе, и в частности, радикальные политики. Я симпатизирую некоторым фигурам из «внесистемной оппозиции», отдаю

должное их мужеству, но, думаю, что если они надеются, что режим, выстроенный в последние десять лет, в ближайшее время рухнет или будет сметен волной народного гнева, то сильно ошибаются. И это тоже один из аспектов нашей дискуссии — восприятие реальности политиками, которые вне власти.

Гуревич П. Пожалуй, власть поняла, что для удержания режима надо создать видимость полемики, критики, оппозиционности. Все заняты своим делом — власть властвует, политологи вяло обсуждают текущие реалии, эксперты мучаются в теоретических спорах. Пресса готова порой подать в суд на ведущих политиков. Но, похоже, в этом диалоге никто никого не слушает. У нас есть телевизионная передача «Пусть говорят», участники которой чувствуют себя мудрыми учителями жизни. Теперь еще одна затея — «Пусть пишут...» Администрация президента буквально завалена письмами и коллективными обращениями.

Луков В. Что думать? Политический процесс реализует себя в каких-то торсионных полях. Результаты выборов показывают, что народ просто не мыслит своего будущего без единороссов. Он просто боготворит их. Но в разных точках страны проходят митинги, кое-где требуют отставки премьера, эксперты предупреждают о возможности оранжевой революции. Публицисты сетуют: зачем политики сами подстегивают протестные настроения. И как все это совмещается в одной плоскости? Высокую популярность единороссов сами они объясняют тем, что партия обратила внимание на неоправданный рост тарифов. Но ведь тарифы продолжают расти. Неужели избирателям важно, чтобы кто-нибудь из политиков формально отметил в этом чрезвычайно болезненном пункте жизни страны? Выходит, народ радуется справедливым словам, но не огорчается по поводу скудеющего кошелька. Когда о такой же ситуации пишет фантаст Роберт Шекли, мы проницательно смеемся. Но ведь у него написано про нас.

Гуревич П. Еще один пример симулякра. Никогда в истории нашего государства не было столь мощной системы, позволяющей наладить диалог власти с народом. Сергей Алексеевич говорил о том, что вслед за президентом у многих политиков появились личные блоги. Теперь каждый человек может напрямую обратиться со своей бедой к президенту. Не надо бумажной почты. Сигнал будет принят мгновенно. Но эта связь декоративная. Проблема заключается вовсе не в том, чтобы прочитали твое письмо. Люди ждут конкретной помощи от властителей в решении их повседневных вопросов — нерадивость чиновников, непрофессиональность клерков, диктат бюрократии. Способен ли Интернет решить эти вопросы. Увы!

Королев С. Не соглашусь с Павлом Семеновичем в скептической оценке возможностей Интернета. В последние годы Интернет показал себя как реальный инструмент давления на власть. Вспомните: «дело Бахминой», ситуация с запрещением автомобилей с правым рулем, ситуация в «Речнике», знаковая авария на Ленинском проспекте в Москве с участием вице-президента одной из крупнейших нефтяных компаний, проблема мигалок... Немало случаев, когда за счет активности интернет-сообщества удавалось защитить тех

или иных конкретных активистов, незаконно преследуемых властью, защитить права тех или иных людей. И вместе с тем — отсутствие эффективности в попытках доказать фальсификацию выборов и использование на них административного ресурса, абсолютная глухота власти в «алтайгейте», когда несколько высокопоставленных чиновников отстреливали с вертолета занесенных в Красную книгу редких животных. Можно возразить — эффективность давления интернет-сообщества на власть незначительна. Но где более эффективные инструменты? Много ли их? В конце концов, Интернет — это не игрушка, а если посмотреть на явление шире, первый в российской истории модернизационный прорыв, осуществившийся не по инициативе власти, «сверху», а исключительно «снизу», за счет ресурсов и самоорганизации гражданского общества.

Луков В. Зато уже сказано — неожиданно воскрес жанр открытого письма президенту. Газеты печатают послания отчаявшихся людей. В печати все чаще слышны голоса разочарованных: «видимо, наше письмо затерялось, не попало на стол главе государству». Нет же! Письмо пришло по нужному адресу, зарегистрировано, отправлено в соответствующую инстанцию, там тоже проставили нужный номер и послали в другую инстанцию. Эта карусель не имеет никакого отношения к реальной связи власти и общества. Она самодостаточна, живет по собственным законам. Не надо волноваться, вы получите ответ и даже схлопочете по полной программе за собственную наивность.

Те, кто поспешили воспользоваться современными средствами для обращения к главе государства, чуть позже один за другим выступали в печати и горько каялись, что они «клюнули» на эту возможность. Местная власть жестоко наказала строптивцев. И это, как говорится, социологический факт. Он неопровержим, потому что жалоба рядового гражданина, как правило, в конечном итоге оказывается на столе у того, про незаконные действия которого говорится в письме. Вы думаете, он испуган, растерян? Нет. Он пишет формальный ответ, и вы получите его из Администрации президента.

Луков В. В конце ноября прошлого года Александр Шестун решился на смелый поступок: через Интернет он дважды обратился к президенту РФ Дмитрию Медведеву и сообщил ему фамилии сотрудников прокуратуры, которые, угрожая уголовным преследованием, вымогали у него взятки. В доказательство он привел аудио- и видео - записи. Два видеоролика просмотрели около 200 тысяч человек. Необычайное обращение к главе государства вызвало большой общественный резонанс. Но у самого Шестуна начались неприятности.

Гуревич П. В последнее время в печати стали появляться резкие статьи с весьма жесткой оценкой правительственного курса. Что думать? Может быть, в стране активизировался политический процесс? Не исключено, что общество, наконец, демократизируется. А может быть, речь о зарвавшихся публицистах, которые хотят разрушить стабильность в обществе? Не переживайте за судьбу Минкина, Ганопольского или Костикова, критикующих власть. Им позволено, потому что они выполняют полезную обязанность — создают видимость

«правды». Нет, я не хочу обидеть этих замечательных журналистов. Минкин порой глумится над президентом, но газета, в которой он служит, в свои юбилейные дни получает все заслуженные награды и знаки внимания. Выходит, власть позволяет... Разве это не симулякр?

Королев С. Во-первых, отвечу на последний из поставленных вопросов: нет, думаю, что это не симулякр. Деятельность журналистов, критикующих власть, не может быть признана симулякром только потому, что они не разделили судьбу Холодова, Политковской, Щекочихина или Ларисы Юдиной. Но технологически возможности власти настолько велики, что она в состоянии интегрировать и критический поток и преподнести наличие критики как свидетельство свободы слова, т.е. использовать существование оппозиции и проявления оппозиционности для собственной легитимации. Если хотите, превратить баррикаду в витрину, в демонстрационный стенд. И потом — вот мы сейчас пытаемся по мере наших сил анатомировать, препарировать власть... потом все это будет, как выражались в стародавние времена, дозволено цензурой и опубликовано... И что, мы создадим симулякр? Да, нет, власть не оторвана от реальности настолько, чтобы мы могли говорить, что она живет в иллюзорном мире. Она вполне прагматично отстаивает собственные интересы. В том числе в ситуациях, когда эти интересы власти прямо противоречат интересам общества. Например, вместо того, чтобы каким-то образом компенсировать традиционную для России (СССР) централизацию, она, напротив, доводит эту централизацию до абсурда, выстраивая пресловутую «вертикаль власти». Такое впечатление, что российская власть вообще не способна к самоограничению, к обузданию собственных амбиций ради обеспечения интересов и потребностей общества. В конечном счете нынешняя «генеральная линия», выстраивание всей политической жизни таким образом, чтобы обеспечить беспрепятственное существование утвердившегося в России властного режима, означает сохранение социальной и политической архаики и заставляет нас вспомнить ту самую знаменитую киплингговскую змею, которая пережила свой яд.

Луков В. Но ведь это уже было в нашей реальности.

Королев С. Быть-то было, но никуда не исчезло.

Луков В. Сейчас толкуют о президентском резерве кадров. Но и в подборе новых исполнителей — те же самые прагматические принципы. Каждый из участников тандема пытается создать вокруг себя верных исполнителей.

Королев С. В связи с этим вспомнилась забавная история. Один из моих знакомых, ученый, политолог, преподаватель, работающий в одной из прилегающих к Москве областей, должен был выступить перед людьми, включенными в «президентский резерв» в его регионе. По стечению обстоятельств тема его выступления была: «Политическая конкуренция». Накануне выступления коллега иронизировал по поводу того, что людям, попавшим в кадровый резерв без всякой политической конкуренции, он будет доказывать, что политическая конкуренция — это хорошо, это нужно. Впрочем, история имела неожиданное и вместе с тем знаковое завершение. Ведущий

высокого собрания, главный федеральный инспектор по региону взял и просто, без затей, отменил выступление. Не будем, говорит, рассматривать этот вопрос, и все...

Гуревич П. Сюжет не новый. Выходит, власть не так уж и оторвана от реальности. В кругу своих собственных интересов власть абсолютно прагматична и здрава.

Королев С. Увы, власть, заботясь о себе любимой, готова холить и лелеять лишь отдельные фрагменты государственного механизма, нужные и послушные ей. И называть это государственным подходом. И та же власть ради собственного выживания готова по кусочку отщипывать от пирога государственности. Все это, конечно, не новость. Так было всегда и повсюду, и только сильное гражданское общество способно минимизировать негативные последствия властной экспансии и действительно сделать государство надстройкой и наемным агентом общества. Но сильное у нас общество или нет, способно оно уже сейчас противостоять власти или это перспектива весьма отдаленного будущего, оно, это общество, должно отчетливо представлять себе, где приоткрывается собственная физиономия власти и где нам демонстрируют личину, полуприкрытую маской государственности. И не хлебать из котла старых мифов.

Как можно устранить дистанцию между властью и реальностью?

Гуревич П. Предложений, обсуждаемых в печати, тьма. Создается впечатление, что этой проблемой озабочен и сам президент. Разве он не поручил Институту Гонтмахера подготовить не только программу модернизации страны, но и довести ее до социоинженерного проекта? Иначе говоря, найти реальные механизмы, которые позволят сделать власть более эффективной.

Луков В. Но модернизация действительно не может быть партикулярной программой. Обама, как мы видим, начинает реализацию своих начинаний с целой системы законодательных, образовательных, экономических и политических инициатив.

Королев С. Собственно говоря, мне даже не хочется обсуждать всерьез эти сюжеты. Я имею в виду модернизацию. В последний месяц 2009 года в рунете была растиражирована анкета по итогам года: человек года, событие года, словом, всё-всё года. Так вот, в графе «слух года» я написал: модернизация. На мой взгляд, модернизация в начале XXI века может быть осуществлена только в условиях политической свободы. Условие модернизации — создание политической конкуренции и свобода СМИ. И здесь я согласен с людьми из ИНСОРа. И это же — условие реальной борьбы с той невиданной по масштабам и по наглости коррупцией, которая захлестнула российское общество. Если этого нет — а этого нет, — модернизация становится благим пожеланием, очередной фигурой речи, имитацией реформы, коих в СССР/России было немерянное количество.

Луков В. Некоторые эксперты оценивают проект модернизации еще резче. Они пишут о том, что власть нуждается не в технологических или управленческих инновациях. Люди власти ищут пропагандистские бренды, повышающие качество лапши на наших ушах. Экономист Никита Кричевский иронизирует: «Главное продержаться еще два предвыборных года. А потом будем строить мост на Луну».

Королев С. Я думаю, что российская власть в ее нынешнем виде вообще неспособна к какому-либо стратегическому мышлению, не говоря уже об осуществлении какой-то долгосрочной программы.

Гуревич П. И все-таки я полагаю, что именно здесь, в критике и диагностике общественного сознания, ключевая и неотложная задача социальной модернизации. Важно превратить «больное общество» в нормальный социум. Без решения этой проблемы любые социальные проекты обречены на провал. Как может выглядеть, к примеру, развитие демократии в обществе, где правит коррупция, царит правовой беспредел, утрачены четко очерченные функции социальных институтов? Разрушительные силы общества немедленно оседлают демократию. В этом смысле прав Иноземцев. Но как можно поднять экономику за счет авторитарных усилий, когда управление оказывается ручным, несовременным, архаичным. Сегодня правители используют только один управленческий ресурс. Они направляют денежные потоки на тот участок, где они хотят видеть перемены. Но без развитой демократии эти программы оказываются провальными. Деньги исчезают, а реальных результатов нет.

Королев С. Обращусь к метафоре. Уподобим современное государство, государство второй половины XX — начала XXI века, обыкновенному стулу. У него четыре ножки, на которые он опирается, и благодаря наличию четырех точек опоры он обретает устойчивость. Эти четыре ножки суть: исполнительная власть, законодательная, судебная система и независимые СМИ. Что сделал нынешний режим с этим стулом? Он отпилил три из четырех ножек: законодательная власть стала фикцией, придатком власти исполнительной, послушным инструментом в ее руках. Независимый суд не существует, и то продвижение в этом направлении, которое наметилось в 1990-е годы, нивелировано и обращено вспять. Наконец, СМИ поставлены под контроль доминирующих властных групп. Прежде всего, конечно, телевидение, начиная с госканалов, но и пресса, в частности, региональная пресса, существует под жестким контролем и испытывает сильное давление местной власти, мелких региональных «режимов», которые вписались в установленные московской властью правила игры и в их рамках приняла на себя функцию строителей и охранителей «вертикали» на местах. Причем, ножки не были отрублены одновременно, сразу все три и под корень. Их укорачивали поочередно, на один-два сантиметра, в полном соответствии с известным детским стишком: «А теперь вот эту ножку, подпилю ее немножко...»

Луков В. Но без этих ножек власть оказывается не только не действенной, но и не информированной. Когда Сталин встречался с тем или

иным наркомом, он даже в условиях тоталитарного режима, опирался на информацию, полученную из «посторонних» источников. Нарком сильно рисковал, если пытался «припудрить» действительность. Политику нужны самые разнообразные источники о том, что действительно происходит в стране.

Гуревич П. Однако сами по себе встречи и разговоры отнюдь не говорят о том, что власть держит руку на пульсе жизни, обладает нужной информацией. Бросается в глаза, что носители власти нередко пересказывают то, что они слышали от министров. Вот, к примеру, идет награждение лучших учителей города и одна из них обращается к президенту по поводу ЕГЭ: сегодня только жители горных вершин Памира не знают, какую разрушительную роль в образовании сыграл этот единый экзамен. И что же президент? Он объясняет мало осведомленной учительнице, что с помощью ЕГЭ нанесён мощный удар коррупции в вузах, что благодаря этому почину в вуз поступают теперь жители далеких окраин. Слава Богу, что меня не было на этой церемонии. Вероятно, я свалился бы в пароксизме невинного смеха и неприлично выкатился бы в коридор, давя в себе остатки непозволительной радости. Но ведь вся страна читает слова президента. Уже даже авторитетные органы заявляют, что коррупция в образовании выросла вдвое, что никакого притока Ломоносовых, шагающих из Холмогор по направлению к МГУ, не замечено. Неожиданно начинаешь испытывать непрощенную симпатию к немногословию Сталина.

Королев С. Есть еще один аспект проблемы. Мы должны постоянно спрашивать себя, а что есть знание о реальности? И что есть понимание реальности? И является ли знанием то, что не предполагает понимания глубинных процессов и тенденций развития, а проявляется лишь как фиксация некоторых лежащих на поверхности параметров социальности? Типичная ситуация: тот или иной политический лидер проводит пресс-конференцию, встречу с журналистами, общается с «народом» — неважно, как это называется. Он уверенно и связно отвечает на вопросы (критерии выбора которых, впрочем, остаются неизвестными), на память приводит множество цифр. Он убеждает нас в том, что он адекватно представляет реальность, что он держит руку на пульсе, что он контролирует и регулирует. Но насколько он на самом деле понимает ту реальность, которую описывает, опираясь на статистику и фактуру? Понимание не сводится к набору цифр и фактов.

Луков В. Вот почему важно, чтобы обсуждение социальных проблем не сводилось к имитации теоретического спора, в ходе которого будто бы рождается истина. Та же дискуссия, которая развернулась между Иноземцевым и Гонтмахером, казалось бы, вполне отрядный факт, уводит общественную мысль от сути, от реальной ситуации, которая сложилась в стране. Либералов критикуют за то, что они либералы, консерваторов — за консерватизм. Уже появились и идеологические инвективы. Шумим, братцы, шумим. Рождается призрачное ощущение интеллектуальных исканий болезненных процессов в общественной жизни. Но этого-то как раз и нет. Факты и информация — это полдела.

Королев С. Владение последними — лишь условие, предпосылка интеллектуального овладения реальностью. Куда важнее понимание реальности. Куда важнее способность выработать стратегию развития. Куда важнее алгоритмы и методы анализа реальности.

Вот лидер рассказывает нам, что впервые за многие годы рождаемость превысила смертность. Приводит цифры. Но достаточное ли это доказательство того, что власть адекватно представляет демографические реальности? Увеличение рождаемости — это что, долгосрочный тренд? Или с провалом в очередную демографическую яму она, рождаемость, снизится лавинообразно? А знаменитая тема потепления климата? И удивительная позиция российской власти? Когда ситуация не имеет однозначной оценки, и власть пытается выработать политику, пригодную при обоих вариантах развития, и при потеплении, и при его отсутствии? Умопостигаемая реальность здесь, видимо, — не точно зафиксированные параметры, а тренд, тенденция, процесс. В конечном счете реальность — это понимание реальности, а не набор цифр и фактов, мертвое, статическое «знание» о том, о сем.

Гуревич П. Не только цифры, но и теоретические концепции могут оказаться мертвыми. Вот, скажем, социологическая схема, которую выстроил Олвин Тоффлер. История человечества, согласно этой схеме, проходит через три «волны» — аграрную, индустриальную и постиндустриальную. В известной мере эта схема имеет эвристическую ценность. Но в ней есть два изъяна. Во-первых, предполагается, что эти «волны» последовательно сменяют друг друга, завершается один этап, начинается другой. Эту модель можно сравнить с дождевым червем, который последовательно раскрывает свои кольца. Но история гораздо хитрее любых отвлеченных схем. По Тоффлеру, аграрная стадия («первая волна») — удел архаики. Мир устремился вперед, ритмы истории становятся все более напряженными. Но мировой кризис показал, что в ближайшие десятилетия человечество может столкнуться с продовольственной проблемой и даже с угрозой голода. Самые современные микропроцессоры не создадут изобилия хлеба и мяса. Поэтому многим странам придется уделять внимание сельскому хозяйству и даже развивать его. Это относится, в частности, и к России.

Луков В. Согласен. Что можем мы сегодня предложить огромной массе сельского населения? Призывы подключаться к нанотехнологиям? Тоффлер критикует американских лидеров за то, что они все еще пользуются железными дорогами, а нужно смелее переходить к новым технологиям. Но что можно сказать в таком случае о нашей стране, которая раскинулась на огромных территориях? Не уделять внимания огромным грузопотокам? Нет, нам не обойтись без потенциала не только второй, но и первой волны. Минувший век, как известно, начался со спора между К.Марксом и В.И.Лениным: можно ли ради неумолимого прогресса перескочить некоторые необходимые стадии исторического процесса? Стоит ли ждать, когда разовьются экономически и социально вызревшие предпосылки или можно взнудать историю? Новый век снова занят этой проблемой. Давайте перейдем к модернизации, минуя

индустриализацию. Но не грозит ли это еще одним провалом в социальную бездну?

Гуревич П. Хотелось бы понять, действительно ли мы останемся на задворках истории, если не займемся модернизацией? Точно ли, что у России две возможности преобразования — демократия или авторитарность? Мне кажется, что спор между Гонтмахером и Иноземцевым не захватывает самой важной проблемы, без понимания которой спор становится непродуктивным. Наша дискуссия заставила меня внести на ваше рассмотрение еще один проект. Разумеется, заранее прошу прощения за социальную наивность. Наше общество сегодня похоже на раздолбанную телегу. Постромки валяются, где попало, да и хомут не на месте. Ни один социальный институт не выполняет своей прямой функции. Скажем, в чем главная задача политика, если формулировать ее в терминах классической философии политики? В создании социального консенсуса, в гармонизации общественных интересов. Но наши политики занимаются чем угодно, но только не этой прямой задачей. Они могут готовиться к Олимпиаде, направлять денежные потоки, переводить часовые стрелки. Но совершенно игнорировать те социальные контрасты, которые ведут общество к коллапсу. Разве получил политическую оценку тот парадоксальный факт, что в условиях кризиса многие олигархи неслыханно разбогатели?

Луков В. Но ведь и экономические институты утрачивают свое прямое предназначение. В идеале — экономика призвана создавать наиболее эффективные условия для приумножения общественного богатства. Но в современной экономике все отдается финансовому капиталу и почти ничего миру труда. Рантье стал важнее трудящегося человека. То же самое можно сказать и о правосознании.

Королев С. Социокультурные реалии России таковы, что принцип справедливости в сознании традиционалистского большинства и принцип целесообразности у носителей утилитаристского сознания ранжированы неизмеримо выше, нежели любые правовые нормы, от норм закона до основных, универсальных прав и свобод человека, закрепленных в российской Конституции. Подобная система ментальных приоритетов — это эманация традиционалистского здравого смысла, не отягощенного пониманием сложностей современного цивилизованного правового общества и не принимающего их. Человек не заплатил алименты, его не выпускают за границу. С точки зрения определенного типа сознания, это, несомненно, справедливо. Особенно, если это действительно побуждает должника расплатиться с долгами. Вопрос, делается ли это по решению суда или вне такого решения, и нарушает базисные, конституционные права неплательщика или нет, в этой системе координат кажется третьестепенным. Или ЛТП: «Не хочешь жить по-людски, изволь пребывать в изоляции». Собственно, это сознание, для которого простые формулы типа «вор должен сидеть в тюрьме» являются высшим достижением человечества в интеллектуальной сфере. Власть открыто апеллирует к этой ментальности и, более того, стремится ее поддерживать и даже формировать. Одна из чиновниц в Татарстане, имеющая непосредственное отношение к массовой добровольно-принудительной

проверке студентов на наркозависимость, говорит: так называемых «отказников» в этом году не было, потому что «никто с клеймом наркомана жить сегодня не хочет». Стало быть, по этой логике, тот, кто выступает против неправовых процедур тестирования, объявляет себя наркоманом. И это тоже если не эманация традиционалистского здравого смысла, то стилизация под этот здравый смысл.

Гуревич П. Вот моя позиция: общество, в котором мы сейчас живем, вообще не способно ни к каким желаемым социальным переменам. Проблема проста: общество стало неуправляемым. Какой вариант развития событий мы бы не выбрали, он все равно нереализуем. Наш общественный организм оказался уникальным. Вряд ли мы отыщем ему аналоги в европейской практике. Вырождение нашего общества, как я уже сказал, определяется тем, что социальные институты перестали выполнять те функции, для реализации которых они предназначены.

Луков В. Что может измениться в жизни милиции после того, как 11 генералов уволены Указом президента? Ровно ничего. Разве после этого милиция начнет выполнять положенные ей функции? Ничуть не бывало. Руководители этого министерства уже не могут отрицать того беспредела, который связан с деятельностью милиции, взявшей на себя несвойственные ей функции. Поэтому они говорят о том, что отдельные негативные факты, вроде евсюковщины, не могут заслонить самоотверженный труд огромной армии честных и преданных милиционеров.

Гуревич П. Мне, как рядовой статистической единице, постоянно приходится соотносить мой повседневный жизненный опыт с идеологическими реалиями. И я постоянно удивляюсь, насколько они разнятся. Порой у меня складывается впечатление, будто я живу в какой-то другой стране, а не в той, которую описывает власть. Вот говорят: «в нашей доблестной милиции работают замечательные люди, преданные, честные. Почему мы судим о милиции по частным, совершенно непоказательным фактам, например, по делу Евсюкова». Разумеется, я готов признать, что мой скромный житейский опыт недостаточно репрезентативен. У меня нет никакой систематической картины того, как работает наша милиция. Но вот те факты, которые я беру без всякой селекции и без надежды на их представительность. Прошлым летом молодые ребята взломали замки на многих дачах, в том числе и на нашей, и унесли, что попало под руку. У нас украли газонокосилку. Приехали милиционеры, про все расспросили, все осмотрели. Действовали дилетанты, их сразу и поймали. Но нам, пострадавшим, так никто ничего и не сообщил. Не вернули и украденное. Что думать? Идем дальше. Весной мы, группа людей, постоянно играющих в футбол на рядом находящемся стадионе, обнаружили, что поле еще не просохло. Кто-то предложил поехать к МГУ, там площадка уже сухая. Мы залезли в две машины и отправились за яркими впечатлениями. Мы их получили сразу как только выехали на дорогу. Нас остановил милиционер и потребовал документы. На нашу беду ни у кого их не оказалось. Никто ведь не торопится на спортивную площадку с удостоверением личности. Мы довольно

правдиво описали стражу порядка, почему мы везем два футбольных мяча, насос и несколько бутылочек обычной воды из-под крана.

Наш прозорливый служака сразу врубился, что мы не врем. И он сказал: «Ребята, давайте три тысячи и поезжайте дальше. Время вон какое беспокойное...» Так начались наши воскресные яркие впечатления. Молодой сосед по лестничной клетке, получив милицейское образование, деловито шел в конце рабочего дня в своей замечательной форме. Но вдруг оказалось, что его арестовали. По телевизору рассказали о милицейской банде, которая под видом охраны порядка убивала людей и присваивала себе награбленное имущество. Соседа судили по весьма безрадостной статье. Вскоре в камере его задушили, чтобы он не давал показаний... Другой сосед, с которым мы вместе играли в футбол, неожиданно стал гаишником. Он сообщил мне об этом замечательном факте в такой интонации, которую я безоговорочно выбрал бы, если бы получил Нобелевскую премию. Радость милиционера была недолгой. В другой разя увидел его пьяного, избитого. Оказывается, за радостное выдвижение надо расплачиваться. Может быть, достаточно?..

Королев С. Нынешний милицейский произвол — это, если хотите, агрессивная, проявляющая себя в насилии эманация силовой, полицейской составляющей власти. От дела Евсюкова до дела Магнитского. Причем, злоупотребление полицейской властью обычно остается безнаказанным или наказывается символически. Чего стоит одно только дело тувинского милиционера Борбака Оол-Баира, застрелившего 17-летнего школьника и приговоренного к одному году и трем месяцам в колонии-поселении! Более того, против пострадавших от милицейского произвола обычно формируются уголовные дела по неподчинению сотрудникам милиции или их оскорблению. Как правило, фабрикуются почти всегда. Это — безнаказанность, более того, фактическое поощрение беспредела силовых структур. Хотя момент выхода машины насилия из-под контроля властных инстанций также не стоит сбрасывать со счетов.

Луков В. Нельзя быть честным и преданным в системе, которая выстроена по совершенно иным лекалам. Нас уже не повергает в изумление, об этом уже говорилось, заявление руководителя «Единой России» о том, что Государственная дума не место для дискуссий. Между прочим, в японском парламенте есть выступ, куда могут вскочить депутаты для того, чтобы продолжить свой спор с помощью кулаков. Нас не изумляют слова того же политика, который возмущается: «какое право имеет Академия наук давать научную экспертизу его изобретению». Безграничная власть сносит крышу. Власть на то и власть, чтобы подминать под себя все социальные институты и лишать их реального функционирования.

Гуревич П. Что же получается? Действия власти нам нередко кажутся странными, не вполне логичными, не соотнесенными с реальными запросами жизни. И в то же время возникает смутная уверенность, что власть вовсе не витает в облаках. Напротив, наши правители достаточно прагматичны, имеют четко обозначенные цели и, вероятно, снисходительно относятся к наивным людям, в том числе к оппозиционерам, как и к представителям народа, которые

ждут от «верхов» благодеяний, справедливости, учета их интересов. Здесь, можно полагать, власть в значительной мере цинична. Разве политики всерьез озабочены жизнью населения с его повседневными проблемами, тревогами и отчаянием? Глава государства, скорее, чуть ли не заплачет, узнав, как жестоко убивают маленьких бельков, чем от известий о бедственном положении пенсионеров. Здесь говорится вовсе не о плохом президенте. Логика власти в современном мире иная. Нужны гигантские усилия, чтобы ее сохранить. И в этом чрезвычайно важном вопросе и для страны, разумеется, люди власти хорошо ориентируются в политической конъюнктуре и в собственных интересах. И именно в силу этой прагматичности политическая жизнь России напоминает иллюзион. Строится Сколково — символ высокотехнологичной России. Энтузиазм не знает границ. Но тут выясняется, что выбранное место для сооружения инновационного чуда лишает страну значительного пространства пашни. Селекционеры могут, разумеется, обратиться с открытым письмом к президенту. Это уже сделано. Но разве события примут возвратный оборот? Никакая социальная сила не остановит пиар-акцию.

В политическом пространстве современной власти явно не хватает компетентности, ответственности и социального воображения. Что же удивительного в том, что реальность не подчиняется власти? Развал дорог, неотвратимый коллапс коммунального хозяйства, износ жилищного фонда, призрачная мечта о собственном жилье, полный развал образования, планомерное вытеснение науки на обочину жизни. Глубочайший кризис армии, милиции, всей судебной системы. Люди власти не знают никакой панацеи, кроме финансирования. Бесконечно регулируются финансовые потоки. Политики убеждены: там, где деньги, там возрождается жизнь. Огромные средства изымаются из бюджета и направляются на Федеральные целевые программы. Однако за два десятилетия ни одна из десятков таких программ не дала результатов. Почему не покрылись многомиллионные траты? Где растворились миллиарды долларов, которые были взяты из бюджета и Резервного фонда и отданы банкам, которые обязали помочь среднему и малому бизнесу? Главный военный прокурор С.Фридинский скорбит по поводу трех миллиардов рублей, которые разворовали в силовых ведомствах.

Слушая ваши рассуждения, я думал, какая культурно-историческая иллюстрация могла бы вызвать аналогию с нашей нынешней реальностью. И вот мне показалось, что внутренне, интроспективно нам близка эпоха рококо. Рокальная социальная практика — эпоха обманок, иллюзий, изысканных фантомов, прихотливых утонченных грез. Некая ничейная область между иллюзией и реальностью, правдой и ложью, естественностью и искусственностью.

Политическая сфера — уже не реальная жизнь. Но еще и не вполне театр. Говоря о духовном кризисе в стране, один публицист заметил: нам надо начинать с простых вещей, с возвращения самых простых истин. Мы должны говорить: «это мама, ее надо любить. Это папа, его надо уважать». Начнем с элементарного, по букварю: «мама мыла рамы». А в социальной сфере тоже самое. Мы должны говорить: «это милиционер, он должен защищать людей».

Это судья, он руководствуется только законом. Это министр, призван поднимать вверенное ему хозяйство, а не регулировать финансовые потоки. Это бизнесмен. Он должен умножать производительные силы страны, а не заниматься только фондовой спекуляцией. Это банкир. Он призван добиться того, чтобы деньги работали с максимальной отдачей для экономики.

Если мы этого не сделаем, мы не сможем понять, почему появление на высшей должности страны профессионального юриста сопровождается самым неслыханным правовым беспределом. Это политик. Его призвание — гармонизировать социальные интересы разных политических сил.